

И.А.Крылов. Сочинения в 2-х томах. Под наблюдением Н.Л.Степанова. Библиотека "Огонек". Из-во "Правда" Москва, 1969

OCR Longsoft <http://ocr.krossw.ru>, апрель 2006

НОЧЬ I

Час било за полночь... природа уснула... городской шум утих... и люди, кажется, перестали дурачиться или по крайней мере решились до утренней зари дурачиться тихомолком. А я, казалось мне, что я один не спал, и окружающее меня глубокое молчание подавало мне случай к размышлениям.

Сия темнота, так начал я свое размышление, кажется нарочно для того есть в природе, чтобы унижать гордость человеческую и помрачать мнимые дарования и прелести, которые блистали во время прошедшего дня. Человек!.. хочешь ли ты видеть себя, свою ничтожность? Дай зайти солнцу и человеку снять с себя посторонние украшения, которые не принадлежат ему и которые одно его детское честолюбие себе присвоило.

Где теперь тот пышный вельможа, который, за несколько перед сим часов, заставлял мир думать, что в руках его находится спасение всех восьми планет и с их спутниками, который сам делал вид, что от его только мановения зависит переставить созвездие Скорпиона на место созвездий Тельца, и с которым встречаясь подлые его льстецы с набожностью глотали пыль, воздымаемую позлащенными колесами его кареты... Где он?.. Его превосходительство, ваяясь в пышных пуховиках, изволит заниматься хорошими сновидениями, между тем как секретарь его готовит ему к завтраму политические рассуждения, которые, конечно, выдаст он за свои, ибо сей господин уже привык думать секретарскою головою, которая есть его душа, а вельможа сей -- ее тело; итак, он основательно может сказать во извинение непрерывного своего сна: дух бодр, но плоть немощна, то есть: секретарь рожден обдумывать, а я -- подписывать спросонья его мысли.

Где та обольщающая красавица, за которою гонялись стада волокит, которой розовые уста приманивали к себе тысячи поцелуев, а нежная грудь влиwała томные желанья в юные сердца и даже самых грубых философов заставляла желать рождения нового Праксителя и Фидия; которой томные глаза всяким взором означали, что сердце тает в ней от удовольствия; коея тонкий, легкий стан и прекрасная ножка заставляли стихотворцев думать, что или Венера будет иметь скоро четыре грации, или одна из них лишится своего места, дабы уступить его сей красавице... Где она?.. Она спит, и все ее прелести раскладены на уборном столике: прекрасные зубы ее лежат в порядке близ зеркала; голова ее так чиста, как репа, а волосы, которым удивлялись, висят, осторожно накинутые на зеркало; нежный румянец ее и пленяющая белизна стоят приготовленные к утру в баночках; между тем как она походит на брошенную в постель мумию. Грудь ее присохла к костям, а подставная покоится в сохранности вместе с корсетом. Где же все прелести, которые заставляли о ней кричать? Где те приятности, те достоинства? Магниты, привлекающие к ней сердца молодых воздыхателей?.. О! они и теперь налицо раскладены в кошельках и в записных книгах на ее уборном столике.

Не подумай, однакож, любезный читатель, что госпожа эта скудна разумом. Если бы и случилось кому покрасть ее прелести, то осталось у ней еще одно очарование, против которого никакое нынешнего света сердце не устоит: красноречие -- вот ее сильнейшее оружие; она превосходит им сочинителя Новой Элоизы. Письма к ее любовникам очень убедительны, хотя, правда, все они на один образец, ибо начинаются так: "Объявителю сего платит Государственный заемный банк и проч.". Воскресни Руссо, подобно Магометову отцу, на один только час и увидь свою победительницу, а если ты столь отважен, что вздумаешь спорить с нею в преимуществе красноречия, то выставим на одну доску письма твоей Элоизы и моей, и я ручаюсь, что последние станут торжествовать и что за них ухватятся все, не выключая академиков и самого тебя.

Где тот щеголеватый господчик, обвешенный золотыми цепочками, униженный бриллиантовыми перстнями, который, целый день катаясь по городу в щегольской карете, кажется, имел усердное желание всех пешеходцев душиť пылью и старался поспеть вдруг в тридцать мест, не быв нигде надобен. Еще не прошло пяти часов, как в кружку щеголих божился он, что изрубил всю Турецию, с великим жаром уверял, что он с такою же проворностию перерубливает людей, как тростник, и сожалел, для чего не заведут у нас войны со слонами, где бы мог он пощеголять своею саблею; без устали считывал он свои победы и тысячами поминал своих убитых. Надобно отдать справедливость сему